

ПРЕМИЯ
**РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

ОЛЬГА ОЗЕРЦОВА

ТАЛИСМАН
ШЛИМАНА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-46

Озерцова, Ольга.

О-46 Талисман Шлимана / Ольга Озерцова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Премия Русский Детектив).

ISBN 978-5-04-160006-8

В маленький городок Градонеж приезжает группа ученых-археологов. Они ищут знаменитый талисман Генриха Шлимана, способный помочь разгадать тайну убийства ахейского царя и древних пророчеств. Однако в городке происходит серия странных кровавых расправ. На одного из ученых также совершается покушение... Очевидно, что все эти преступления напрямую связаны с миссией археологов — кто-то не хочет, чтобы она увенчалась успехом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160006-8

© Озерцова О., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

Археологи — это детективы прошлого.

Агата Кристи

Ведь говорят же, что история — это загадка, бессмысленная и кровавая? Но это неправильно, смысл в ней обязан быть.

Умберто Эко. «Маятник Фуко»

Храни меня, мой талисман.

А. С. Пушкин

Что-то мучило. Я открыл окно, но в такую погоду, кажется, даже асфальт плавится от жгучего солнца. Вспомнил о талисмане Шлимана, выпил вина, лег на диван и попытался уснуть.

И тогда это снова пришло.

Жаркие камни дышали. Раскалялся воздух. Но в дивном дворце было прохладно. Цветы таили счастье в лепестках, таких прихотливых, как морская пена. Там многое было создано будто из пены. Как богиня. И источники, и линии на стенах, и краски. Там. А здесь камни дрожали, горячие. Она потрогала их рукой, и теплота камней дала ей радость. Она поняла, что может сделать это благоговейно.

Жрецы здесь относились к ней с трепетом. Так было и с ее бабкой при Хатшепсут. В этом было что-

то сокровенное. Никто не знал, почему это так. И она тоже не знала. Но ей позволяли так много в стране, где так величественно возносились храмы, и пирамиды, и даже сфинксы. Где Амон-Ра казался им богом и фараон был для них богом. И была в их пустыне страстность. А смерть... Один человек говорил ей: «Умирать не страшно. Если меня похоронят в Египте, священного скарабея положат на сердце. И гробницу покроют яркими красками, изобразят и богов, и цветы, и людей. Прочтут заклинания, споют священные песни. Коль солнце будет светить, не забудет мое Ка эту землю». Она улыбнулась, вспомнив того египтянина, и поправила браслет на тонкой руке. Он любил целовать ее руки. И любил, когда она его обнимала.

Эти люди в Египте... У них своя странность. Их сфинкс величественен, но он улыбается. И его улыбка... Кто знает, может, потому, что так улыбается сфинкс, она и решила сделать это. А их жрецы ей все позволяли.

Она каждую ночь поднималась на пирамиду Джосера¹ — по камням, еще теплым от жара. И хранили горячую тайну святыне ступени. Иногда с ней был и тот египтянин...

Я встал. Когда это началось? С тех пор, как ко мне стало приходить прошлое в своей первозданной красоте и жестокости? Когда я понял, что все продолжается?..

¹ Самая древняя пирамида, ступенчатая, находится в Саккаре. По преданию, ее архитектором был Имхотеп. — *Здесь и далее прим. авт.*

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Выпить бы еще чего-нибудь холодного. Я достал из холодильника еще одну бутылку вина, налил его в бокал и задумался: «В такую жару трудно работать. Как же они в Египте и на Крите все это создавали?.. Хотя, наверное, именно в этом солнечном пекле и приходит особая ясность». Отпил терпкого красного вина. Какой, однако, острый и жгучий привкус у слова «тайна».

Взглянул на ксерокопию рисунка на минойской гемме, лежащую рядом с компьютером, и вспомнил странного человека, подошедшего ко мне на конференции. Зачем он отдал мне эту необычную картинку? И его история, в которой причудливо соединились коммерческий расчет и вера в таинственный талисман из Атлантиды, якобы найденный Шлиманом и помогший ему сделать археологические открытия в Трое и Микенах, тоже удивила. Почему он обратился именно ко мне?

«Надеюсь, он не знает, что со мной происходит. Я хорошо помню, что началось это раньше той странной встречи на конференции. Кажется, ты тоже что-то почувствовала. Вчера в твоем голосе даже через телефон, с другого конца Европы, слышалась тревога. Допишу письмо, постараюсь объяснить тебе что-то, еще не до конца понятное мне самому».

Ничего особенного не случилось, не волнуйся.

Кстати, я получил грант, о котором ты спрашивала. Все-таки я могу позволить себе кое-что необычное. Моя научная репутация и не такое выдерживала. Мне

только на пользу то, что с нами (со мной и моими учениками) происходит. Если это услышать, можно найти просветление и очищение. Если услышать...

Когда это началось? Старый жрец говорил, что я должна таить это.

Мой путь прихотливее, чем путь жрицы, о египтянин.

Не знаю, когда это будет.

Не знаю, кто это.

Но я вижу.

Я поднимался по черным ступеням. Потом долго лежал. Боль как будто снилась.

В тяжелом бреде мне казалось, что я какой-то мечущийся комочек нервов, который вся Вселенная жжет и бьет своими вихрями, камнями, холодом, дождем — всем, что есть в ней. И я живу, потому что я — чувство, последнее чувство жизни.

Боль. Мне было невыносимо.

И вдруг в какой-то момент я вспомнил... И встал.

Я снова шел по черным ступеням, оставляя своими ногами в язвах кровь и гной.

Я шел... Я... шел.

Я уже не проклинал.

Внизу безбрежная темнота расползлась по пустыне. И что-то неясное, как призрак, даже не светилось, а слабо мерцало вдали. То ли свет каравана, то ли костра. Может, мне казалось...

Тень ночи захватила пустую безбрежность пустыни.

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Но понял я — рассвет придет,
рассвет приходит,
он извечен.
И спокойно шел вдаль.

Мне нужно идти, я хочу встретиться с моими учениками.

Я дописал и отпил из бокала, размышляя: «Лучше не буду сейчас ничего рассказывать ни им, ни тебе. Может быть, позже, когда эта странная загадочная история как-то прояснится. Ученики мои отнеслись ко всему так же доверчиво и просто, как в давние студенческие годы, когда я предлагал им темы курсовых или дипломов. А если мои коллеги начнут замечать что-то непонятное, я постараюсь облечь то, что мы сейчас делаем, в привычные традиционные формы — статьи и популярные издания... Тот странный человек с конференции, оказавшийся бизнесменом, говорил еще о проклятии Эхнатона, Атридов, об ахейцах, дорийцах, шумерах, и, что интересно, он был уверен — это принесет ему финансовую выгоду. Поэтому он был удивлен моим отказом. Конечно, лучше пока не писать тебе о том, что у нас тут творится. Моя поздняя любовь, ты, пришедшая в мою жизнь, когда я уже так немолод. Пусть твоя жизнь будет безмятежной».

И я добавил в письме:

Извини за сумбур. Надеюсь, ты простишь мой стиль — от этой жары у нас даже мысли путаются.

Встретиться с учениками мы должны за городом, в такую погоду мы решили обсуждать все на природе...

Глава 1

ДРЕВНИЙ УЖАС

Окна в машине были открыты, и сухой треск охватывал все вокруг. Запах горячей травы, оглушительный стрекот кузнечиков были везде. Он вспомнил, как раньше любил приезжать на дачу. Покой здесь — как в детстве снится, безмятежный. Тихо так. Будто и боли на свете не бывает. Казалось, чего же лучше, живи и живи, хорошо так. И статьи он даже там писал. А потом...

Что же это было? Такая оборванная и странная мысль. Он никак не мог ее додумать. Что-то есть в ней важное и очень простое. И такая нестерпимая тоска...

И с той страстью, с которой люди строили пирамиды и высокие храмы, он пытался понять.

— Александр Владимирович, как вам эта жара? — спросила у профессора Анна, его ученица.

— Хорошо, что мы вырвались из Москвы. Университет весь раскален. Посмотришь из окна — вдали даже голубая дымка, — сказал Глеб, который, как и Анна, в свое время был аспирантом профессора. Втроем они шли по тропинке к реке. — Хочется куда-нибудь уехать. Да хотя бы в маленький городок

Градонеж. Там, наверное, не так жарко. А еще там ходят легенды про сокровища, камень и талисман.

Аня пожала плечами:

— А кто туда последним из наших коллег ездил, ты не забыл? Афанасий Никитич! Смерть у него была странная, утонул в болоте. Что-то не верится, что это несчастный случай. Может, он что-то там и нашел, но это ему не помогло. Уж не расследовать ли его гибель хочешь?

— Да нет, Градонеж — это, скорее, история про сокровища. Впрочем, там, кроме болот и странных камней, есть и озеро, и речка.

— Речка — это хорошо, а то мне сегодня аудитория попала на солнечной стороне. А уж как наши ученики стали изобретательны! Им удалось заболтать меня даже на экзамене, устроили дискуссию на тему, что чувствовал древнерусский книжник. «Вы знаете, Анна Георгиевна, мы же все равно не сможем понять, что они там себе представляли, думали в двенадцатом веке, когда писали». А другой с задней парты: «Так они для себя писали!»

— Анечка, еще мой покойный учитель говорил: «Если вас ученик спросит, из скольких камней построен Успенский собор, совсем не обязательно ему отвечать».

— Он хотел что-то почувствовать, Александр Владимирович, ведь действительно, знаем ли мы, что они ощущали в Средневековье и древности на самом деле?

— Думаю, Аня, он своего добился и ты поставила ему пять баллов за живость чувств.

— Да, но он же и тексты читал. И потом, как говорится, я так долго объяснял ученикам, что сам начал понимать. А вам не кажется, что мы в самом деле модернизируем сознание древних? Может быть, мы, по словам наших учеников, по-современному объясняем то, что думал древнерусский мужик. А если еще раньше — египтянин, житель Крита...

— В чем-то вы, Аня, правы. Пусть ребята пытаются что-то понять. Уже одно желание похвально. Пожалуй, и французская школа «Анналов» возникла, когда историки захотели объяснить, чем представления (то есть ментальность) древних отличались от наших. Иногда и мне приходит в голову, что мы читаем рукописи, пишем диссертации, учим учеников, а можем ли мы действительно услышать древних — как они чувствовали, любили...

И ее сладостно яркие губы все улыбались...
Вспыхнув, заблистали алтари и камни.
«Кто ты, скажи, я обнимаю богиню?»
«Разве у богини горячие губы?»
Я могу рассказать,
где родилась и какого рода». —
«Сладостен вкус твоих губ, будто
сок плода, что не насыщает. Ты уходишь?
Я хочу дальше знать песню твоего тела».
Благоуханная страстность страны у Нила.
Ветер шелестит в песках Египта.
Слышишь песню их уст —
поют уснувшие сфинксы.
Вам, живущим в песках, не понять тоску у моря.

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Поцелуй волну, удержи ее чувственный трепет.
Он нежней, чем вздох груди от желанья.
Я иду по горячим пескам, и растаял
вкус тех поцелуев.
О, великий Озирис, научи не забыть
этот вкус перед смертью!
После гибели мира!
Храм разрушен, алтарь мой — песок и камни.
Я хочу увидеть, о друг мой дальний,
будешь ли ты о нас помнить¹.

— Да, в такую жару чего только не начинает казаться. А если еще и экзамены принимать... Как хочется к морю!

— А мне в Градонеж, — снова пожаловался Глеб.

— И об этом я тоже хотел с вами поговорить. Идите сюда, здесь тень. Кабинет у нас будет под теми двумя соснами. Между прочим, мы с вами сидим прямо на селище двенадцатого века. А вот тут у них была пристань.

— Смотрите, даже керамика!

— Какой черепочек!

— Насколько вещи долговечнее людей. Даже обидно — столько поколений ушло, а какой-то кусок горшка остался.

Сосны шумели тихо, кора у них была золотистая, теплая от зноя. Птицы пели.

¹ Любовная лирика Древнего Египта — одна из древнейших. Например, на гробнице Эхнатона было найдено послание. Обращено оно к Нефертити или к другой его жене, мы не знаем.

— Как они называли в летописях эту разноголо-
сицу?

— «Птицы разнообразные».

Земля таит в себе следы пепла, боли, разбитую посуду, украшения. И были «мужи мудри и смыслени»¹, а кругом был лес и бор велик. По реке плыли ладьи к высокому берегу. Рубили лес, строили храм и ловили зверя. Пировали с князем и дружиной. Была жизнь.

— Семинар мы устроили на хорошем месте, Александр Владимирович, может быть, и мысли к нам придут гениальные.

Глеб относился даже к профессиональным разговорам с эпикурейской жизнерадостностью и юмором. Его волосы и борода, густые, с проседью, и плотная фигура контрастировали с внешностью профессора, который был сед, подтянут и худощав.

В красивом лице Анны было что-то тревожное. Она с ожиданием смотрела на Александра Владимировича. На самом деле, зачем надо было встречаться в такую жару? Что случилось? Ее, по выражению Глеба, «высокопоставленный муж» относился к идеям профессора насмешливо, и это ее хоть и раздражало, но иногда заставляло задуматься. Они с Глебом давно знали своего учителя и любили его. В натуре Александра Владимировича чувствовалось обаяние академизма старой школы, которое передалось ему еще от учителя его учителя в традициях России XIX века.

¹ «Повесть временных лет».

В соединении с опытом существования в культуре советской эпохи это приводило к особой широте взглядов, так восхищавшей зарубежных коллег. Но иногда вспыхивала огнем в его глазах сдержанная эмоциональность, и в этом было что-то влекущее, чувствовалось в его лекциях, работах и было хорошо знакомо ученикам. А теперь появилось еще нечто неожиданное. Профессор отказался от курса лекций, добился гранта, привлек их к своей работе. Из эгоистических соображений последнему надо было бы только радоваться, но очень хотелось понять, что все-таки за этим стоит.

— Итак, друзья мои, я хочу осмыслить гибель древних цивилизаций. И еще... А здесь тоже жарко, лучше пройдемся вдоль реки, там хотя бы ветерок.

Они пошли по берегу.

— Вы знаете, я могу себе это позволить. У меня уже столько научных работ! Вы тоже многого успели достичь. Мы делали все как надо, вполне традиционно, но есть еще кое-что. Я понял, что самое интересное происходит на грани. Существует же загадка тайны, такой литературный прием — тайна, нечто жгучее. И самое заурядное произведение влечет, если в нем есть эта закваска. Я хочу понять, что нас всех зовет.

Там, где кончается боль и начинается песок, мягкий и теплый. А потом — шершавая подстилка из хвои. Где твои губы не язвят, а целуют. И летит песня твоя над фиалково-синим морем.